

УТВЕРЖДАЮ

Директор Института востоковедения
Российской Академии наук
д. ист. н., проф. В.П. Андросов

“23” июня 2019 г.

Отзыв

ведущей организации

о диссертационном исследовании М.В. Кюсевой

«Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование М.В. Кюсевой посвящено лексике русского языка жестов. Как отмечает диссертант, исследование языка жестов – молодая область, изученная достаточно фрагментарно. В диссертации предпринимается масштабное исследование того, как в нем выражаются физические свойства в сравнении с звучащими языками. Для языка жестов в большей степени, чем для звучащего языка, важна иконичность, и язык жестов не является линейным в том же смысле, в котором им является звучащий язык. Лексика в меньшей степени связана с линейностью языка, чем грамматика, относясь к словарной части языка. Исследование поднимает следующий важный вопрос и помогает ответить на него: как язык жестов концептуализует физические свойства, и как соотносятся эти способы концептуализации с теми способами, которые используются в звучащих языках.

М.В. Кюсева использует фреймовый подход лексической типологии, основанный на концепции Московской семантической школы и применяемый при описании лексики звучащих языков. В рамках этого подхода семантическое поле разбивается на фреймы на основе выявления концептуально значимых различительных признаков, а затем в каждом отдельно взятом языке фиксируется лексикализация данного лексического поля. Важным параметром при выделении фреймов и анализе лексики является сочетаемость: семантическое поле делится на фреймы во многом на основе сочетаемостных свойств лексем, входящих в это поле. Данная методика позволяет построить семантическую карту лексического поля, основанную на различительных признаках, и сравнить разные языки

по тому параметру, как лексикализуются в том или ином языке фреймы семантического поля.

Применяя данную методику к языку жестов, М.В. Кюсева показывает, что фреймовый анализ применим к жестам, описывающим физические свойства, хотя и не ко всем семантическим полям одинаково удачно. Кроме того, этот подход позволяет показать релевантность концептуально значимых различительных признаков и для тех случаев, когда физические свойства обозначаются периферийными жестами, и их нельзя представить на семантической карте поля так же, как слова звучащего языка. Это доказывает, что по крайней мере некоторые различительные признаки, на которых основан фреймовый подход, универсальны. Таким образом, диссертационное исследование ставит и решает важную и новаторскую теоретическую задачу,

Систематическое исследование лексики языка жестов, кроме лексики цветообозначений, терминов родства и числительных, до сих пор не проводилось. Методология исследования, основанная на фреймовом подходе и уже использованная для изучения лексики звучащего языка, также до сих пор не применялась для анализа языка жестов. Несомненна новизна и актуальность диссертации.

Поскольку исследование М.В. Кюсевой – одно из первых систематических исследований лексики языка жестов, первые две главы посвящены общей характеристике языков жестов и методологии их исследования. В первой главе, при изложении истории изучения языков жестов, которой менее 100 лет, и которая начала бурно развиваться только в последние десятилетия, М.В. Кюсева концентрирует внимание на сопоставлении языка жестов со звучащим языком. Язык жестов – знаковая система коммуникации, но в нем существуют пласти, которым трудно что-либо сопоставить в звучащем языке: немануальная артикуляция, использование жестикуляционного начала. Если анализировать арсенал ядерных иконичных жестов, при их изучении можно использовать компонентный анализ, как для фонем или других единиц звучащего языка. Сходство периферийных жестов с единицами звучащего языка труднее усмотреть, хотя в этих жестах можно выделить определенные черты, соответствующие когнитивным признакам и концептам.

Во второй главе подробно излагается методология исследования. Метод фреймов, использующийся в лексической типологии, семантические схемы которого основаны на основе сравнении лексикализаций одного семантического поля в разных языках, в идеале предполагает выявление универсальных, когнитивно значимых категорий и оппозиций: эти категории и оппозиции отражаются в лексике неродственных языков. Поэтому данный метод подходит и для изучения лексики языка жестов. Хотя жесты в целом более

иконичны, чем слова, и хотя многие жесты нельзя описывать как словарные единицы (они континуальны, композициональны, не образуют закрытого списка и др.), универсальная концептуализация действительности влияет на их свойства, как и на единицы звучащего языка. Это показывает преимущество фреймового метода в сравнении с денотативным подходом, теорией семантического метаязыка, компонентным анализом.

В третьей главе подробно анализируются те поля, для которых в русском языке жестов используются ядерные жесты – «тупой», «тяжелый», «мокрый» и «старый». М.В. Кюсева приводит семантические карты этих полей, созданные на основе анализа лексики звучащих языков, а затем исследует, как данное поле лексикализуется в языке жестов. Стратегии лексикализации этих полей достаточно разнообразны в звучащих языках, и есть языки с уникальной стратегией лексикализации поля. Например, во французском языке нет прилагательного для фрейма ‘тупое лезвие/острие’, и этот смысл выражается períфразой. Если допускать способность языков по-разному или не полностью лексикализовать семантическое поле, язык жестов вписывается во фреймовые системы рассмотренных полей, хотя и с некоторыми особенностями и лакунами. Сам анализ этой главы показывает достоинства фреймового подхода к анализу лексики языка жестов.

В главе 4 проводится более сложный и неоднозначный анализ – периферийных жестов (конкретнее, обозначающих свойство «острый» и признаки малых размерностей). Из-за открытого множества жестов, в смысл каждого из которых входит, например, значение размера и значение топологического класса предмета, о размере которого говорится, приложить фреймовый анализ к таким жестам трудно. Однако различительным признакам, которые ложатся в основу деления семантического поля на фреймы, соответствуют определенные характерные признаки жестов, даже если они зависят от конкретного жеста. В жестах размера конфигурация правой руки указывает на топологический класс объекта, а немануальный компонент жеста – на размер. Сочетания этих двух компонентов жеста могут варьироваться, давая разные значения.

Диссертационное исследование выполнено на самом высоком теоретическом и практическом уровне. Чтобы избежать калькирования с звучащего языка, кроме анкет, принятых в лексической типологии, используются дополнительные задания для сбора материала: игра «10 различий» и игра «Человек и собака». Сбор и обработка материала анкет и дополнительных заданий – сложная и кропотливая работа. Попутно с исследованием семантических полей, М.В. Кюсева провела аннотацию собранного материала на основе аннотации, принятой в корпусе русского жестового языка, а также на основе Гамбургской аннотации языка жестов. Подробная аннотация позволяет провести компонентный анализ жеста, и для периферийных, и для ядерных жестов. М.В. Кюсева

выделила пять основных конфигураций руки, свойственных русскому языку жестов. В целом, те жесты, которые входят в рамки диссертационного исследования, описаны очень подробно: в разных контекстах фиксируются разные конфигурации и ориентации рук, их движение. Эти характеристики, если возможно, соотносятся М.В. Кюсевой со смысловыми компонентами, входящими в жест, которые каждый из компонентов передает.

Кроме того, что в первой и второй главах последовательно и ясно излагается история изучения языка жестов и принятые методики, далее М.В. Кюсева по ходу изложения сообщает много важных и подробных сведений об устройстве языка жестов. Для хорошо изученной темы это было бы излишне, а в настоящем случае необходимо. Все изложение аккуратно проиллюстрировано из собранного материала, диссертация снабжена приложениями с анкетами и другими стимулами, использовавшимися для сбора материала. Изложение исследуемого вопроса и материала в диссертационном исследовании ясное. Все это делает исследование доступным для читателя, близко не знакомого с исследованиями языка жестов.

Хотелось бы высказать несколько замечаний и вопросов, которые во многом носят дискуссионный характер и связаны в первую очередь с малой изученностью темы и характером анализируемого материала.

Во-первых, не всегда понятно, точно ли соответствуют компоненты жеста фонемам. Хотя, как указано на с. 13, такие компоненты, как место артикуляции жеста или конфигурация ладони, могут нести, как и фонемы, смыслоразличительную нагрузку, в приводимых У. Стоуки примерах такие признаки различают слова одного семантического поля, которые четко различаются по семантическому признаку (*мужчина* и *женщина* или *вторник* и *среда*). Это наводит на мысль, что смыслоразличительные компоненты могут нести еще какую-то смысловую нагрузку, кроме чисто смыслоразличительной: сп. *дам* (будущее время от глагола *дать*) и *там* (местоименное наречие) – тут признак ‘глухость-звонкость’ имеет чисто смыслоразличительную функцию. Важно заметить, что в дальнейшем, при описании аннотации собранного материала, в п. 2.3.2 и в гл. 4 говорится только о фонетической записи жеста.

На с. 73, 84 и далее ядерные жесты сопоставляются с лексемами, обозначающими физические свойства. Такое сопоставление интуитивно кажется правильным, хотя оно не соответствует анализу, предложеному У. Стоуки. Аннотация корпуса базовых жестов упоминается на с. 83, но не приводится, и эти жесты (с. 38) считаются мономорфемными. На с. 124 говорится об инкорпорации числительного в жест, выражающий

обстоятельственное значение ('в прошлом году', 'два года назад' и т.д.). Инкорпорация возможна при понимании жеста как аналога слова (или словосочетания), а не фонемы.

Периферийные жесты считаются полиморфемными, ср. с. 38 и гл. 4, с. 147-148, где приводится анализ жестов – сочетаний разных существительных с 'острый'. В этом случае определенные фонетические компоненты жеста, такие как форма руки, соотносятся со значением (топологический класс предмета). М.Ю. Кюсева на с. 35 упоминает об открытости списка периферийных жестов, и возникает вопрос, что понимается под полиморфемностью периферийного жеста – возможность построения полиморфемных сочетаний с ограниченным выбором входящих в них морфем (ср. с. 148) или что-то другое.

Таким образом, используемая в исследовании терминология представляется в целом убедительной, однако нуждается в более подробном и точном определении.

Исследование показывает, что определенные слои лексики языка жестов могут быть исследованы с помощью фреймового подхода. Однако хотя бы то, что в жестах присутствует метафорический компонент (с. 27, 128), что объясняется их иконичностью, и то, что исследованные слова развиваются метафорические значения в целом намного меньше, чем их звучащие аналоги в разных языках, говорит о неполной схожести семантической структуры ядерного жеста и слова. Кроме того, в работе указывается на два источника жестов. Кроме исконных жестов, не связанных со звучащей речью, на с. 44 упоминается КЖР (калькирующая жестовая речь) – пословный перевод звучащей речи в жесты. В исследовании используются только те слова из словаря КЖР, которые прижились в ядерной системе жестов. На с. 106-108 указывается, что метафорические переносы, сходные со словом *тяжелый*, развивает только лексема *ТЯЖЕЛЫЙ₁*, происходящая из КЖР. В то же время жесты, которые сами по себе метафоричны, сопоставляются в исследовании со словами звучащего языка в прямых значениях. Это нельзя назвать непоследовательностью, однако говорит о сложности задачи сопоставления жестов и лексем звучащего языка. Хотя М.В. Кюсева пытается на с. 177 сравнить язык жестов с бесписьменными языками и предполагает другой принцип образования метафорических значений в языке жестов, чем в звучащем языке, возникает вопрос: достаточен ли фреймовый подход для исчерпывающего анализа ядерных жестов?

Наконец, было бы интересно добавить несколько слов о том, какие еще пласти лексики, кроме связанных с физическими свойствами, хорошо поддаются анализу с точки зрения фреймового подхода, а также то, можно ли распространить такой подход на глагольную лексику, связанную с физическими свойствами, например, глаголы типа *тяжелеть, мокнуть или мочить, стареть* и т.п.

Высказанные замечания носят во многом дискуссионный или частный характер, они связаны со сложностью и недостаточной изученностью темы диссертационного исследования М.В. Кюсевой, а также с его высоким научным уровнем. Они только подчеркивают теоретическую и эмпирическую ценность диссертации и ее крайне в исследований по проблемам лексики в языке жестов.

По тематике и объему привлеченного материала, по научной и практической значимости, оригинальности, а также количеству публикаций диссертация Марии Викторовны Кюсевой «Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении» имеет существенное значение для специальности 10.02.20, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и решена научная проблема, имеющая важное значение для лингвистической теории и типологии.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Работа полностью соответствует требованиям пп. 9-14 Положения о порядке присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842. Мария Викторовна Кюсева заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по заявленной специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Отзыв составила вед.науч.сотр. Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН, дфн Е.Л. Рудницкая.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН 23 января 2018 г., протокол № 1.

Зав. Отделом языков народов Азии и Африки,
ФГБУН ИВ РАН

З.М. Шаляпина

Подпись З.М. Шаляпиной удостоверяю
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН

А.В. Демченко

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, 107031, Рождественка, д. 12.
Отдел языков народов Азии и Африки
Тел. +7(495) 623-83-36
E-mail: languages@ivran.ru
<http://www.ivran.ru>